

ВМЕСТЕ И ВРОЗЬ.
МЕТАМОРФОЗЫ ОБРАЗА ТАРАСА ШЕВЧЕНКО
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН

Константин Андреевич Тарасов

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
senderkeeper@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию образа Шевченко при строительстве украинской нации в контексте конкурирующих политических проектов. Из всего многообразия факторов, влияющих на распространение идеи нации, выбран один наименее изученный — использование художественной литературы, и более узко — использование различными политическими и общественными акторами творчества и образа Тараса Шевченко. Исследованиями стали тексты выступлений и статьи, политическая символика, записи посетителей могилы Шевченко. В начале XX в. в Российской империи сосуществовали попытки построить образ украинского поэта в несколько дискурсов. Во-первых, это образ отца-основателя нации, сторонника украинской эмансипации. Во-вторых, в рамках социального дискурса Шевченко понимался как борец с монархическим режимом. В-третьих, его творчество рассматривалось как составляющая общеимперской культуры. Эти дискурсы могли сосуществовать в речах и статьях политических оппонентов. Наиболее отчетливо борьба за «присвоение» образа Шевченко проявилась в эпоху Первой мировой войны и революции 1917 г., становясь элементом политической борьбы. И сторонники унитарного государства, и приверженцы национальной автономии, и сепаратисты в целях политической мобилизации использовали один и тот же символ. **Ключевые слова:** Тарас Шевченко, национальное строительство, украинская нация, художественная литература, революция 1917 г.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: культуры конфликта в России и эскалация гражданской войны».

Для ссылок: Тарасов К. Вместе и врозь. Метаморфозы образа Тараса Шевченко в годы Первой мировой и Гражданской войн // Антропологический форум. 2024. № 60. С. 130–158.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-60-130-158

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/060/tarasov.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2024, NO. 60

TOGETHER AND APART.
METAMORPHOSES OF IMAGES OF TARAS SHEVCHENKO
DURING THE FIRST WORLD WAR AND THE CIVIL WAR

Konstantin Tarasov

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
senderkeeper@mail.ru

Abstract: The article delves into the exploration of the formation of the Ukrainian nation within the backdrop of competing ideologies: imperial and socialist. The theoretical framework adopted for this study is Miroslav Hroch's concept of nation-building phases, which centers around the generational shift from a limited national intelligentsia to a broader educated class, and eventually to a mass movement. Among the myriad factors influencing the propagation of the notion of nationhood, a relatively unexamined one is selected for analysis — the utilization of literature, specifically the works and image of Taras Shevchenko, by various political and public actors. This study draws on sources such as speeches, articles, political symbols, and accounts of visitors to Shevchenko's grave. During the early 20th century in the Russian Empire, multiple attempts were made to integrate the image of the Ukrainian poet into various discourses. Firstly, he was portrayed as the progenitor of the nation, a supporter of Ukrainian emancipation. Secondly, within the realm of social discourse, Shevchenko was depicted as a political fighter against the monarchical regime. Thirdly, his works were viewed as a component of broader imperial culture. Interestingly, these interpretations could coexist even within the dialogues of political adversaries. The battle for the “appropriation” of Shevchenko's image came to the fore during the tumultuous period of the First World War and the 1917 Revolution, being transformed into integral elements of the political strife. This symbol was harnessed for political mobilization by advocates of a unified state, proponents of national autonomy, and separatists alike.

Keywords: Taras Shevchenko, nation-building, Ukrainian nation, literature, Revolution of 1917.

Acknowledgements: This article was supported by the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00369 “The Processes of Legitimation of Violence: Conflict Cultures in Russia and the Escalation of Civil War”.

To cite: Tarasov K., ‘Vместе и врозь. Метаморфозы образа Тараса Шевченко в годы Первой мировой и Гражданской войн’ [Together and Apart. Metamorphoses of Images of Taras Shevchenko during the First World War and the Civil War], *Антропологический форум*, 2024, no. 60, pp. 130–158.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-60-130-158

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/060/tarasov.pdf>

Константин Тарасов

Вместе и врозь.

Метаморфозы образа Тараса Шевченко в годы Первой мировой и Гражданской войн

Статья посвящена исследованию образа Шевченко при строительстве украинской нации в контексте конкурирующих политических проектов. Из всего многообразия факторов, влияющих на распространение идеи нации, выбран один наименее изученный — использование художественной литературы, и более узко — использование различными политическими и общественными акторами творчества и образа Тараса Шевченко. Источниками для исследования стали тексты выступлений и статьи, политическая символика, записи посетителей могилы Шевченко. В начале XX в. в Российской империи сосуществовали попытки встроить образ украинского поэта в несколько дискурсов. Во-первых, это образ отца-основателя нации, сторонника украинской эмансипации. Во-вторых, в рамках социального дискурса Шевченко понимался как борец с монархическим режимом. В-третьих, его творчество рассматривалось как составляющая общеимперской культуры. Эти дискурсы могли сосуществовать в речах и статьях политических оппонентов. Наиболее отчетливо борьба за «присвоение» образа Шевченко проявилась в эпоху Первой мировой войны и революции 1917 г., становясь элементом политической борьбы. И сторонники унитарного государства, и приверженцы национальной автономии, и сепаратисты в целях политической мобилизации использовали один и тот же символ.

Ключевые слова: Тарас Шевченко, национальное строительство, украинская нация, художественная литература, революция 1917 г.

То, что создание канона национальной литературы является важной частью строительства нации, вероятно, следует признать трюизмом. Бенедикт Андерсон в своей классической работе показал, какое влияние на формирование национальной идентичности оказали распространение книгопечатания («печатного капитализма») и сам акт чтения романов и газет [Anderson 2006]. Одним из наиболее впечатляющих проектов последнего времени, подтверждающих этот тезис, является сборник «Коммеморация писателей в Европе XIX в.». Пятнадцать авторов написали статьи о чествовании памяти 15 литераторов со всей Европы, продемонстрировав аналогичное значение литературы для национального строительства в различных сообществах [Leerssen, Rigney 2014].

В отличие от этнографического описания, в художественной литературе национальные образы конструируются не столько на основании бытовых впечатлений о народе, сколько из общих мировоззренческих установок. При этом писательские образы зачастую

Константин Андреевич Тарасов

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
senderkeeper@mail.ru

воспринимаются как нечто органичное, почти реально существующее. Классическими примерами такого влияния являются для эстонской нации поэма Ф.Р. Крейцвальда «Калевипоэг», для финской — поэма Э. Лённрота «Калевала». Обе они являются авторскими литературными произведениями, созданными на основе фольклора. Литература помогает создать эмоциональный образ национальной общности и идентичности. Ее чтение порождает общий опыт, становясь посредником в косвенных отношениях между людьми, необходимых при построении «воображаемых сообществ». Наконец, национальная литература имеет репрезентирующую функцию, представляя свой народ «внешнему наблюдателю». С ее помощью активисты национального движения могут доказывать культурную самостоятельность своего сообщества [Corse 1996: 22–26; Киселева 2012: 13–14].

Статья посвящена роли художественной литературы в формировании украинского национального движения. Однако она не претендует на исчерпывающее исследование этой обширной темы. В фокусе анализа находится довольно узкий случай использования различными политическими и общественными акторами творчества Тараса Шевченко, наиболее известного поэта, писавшего на украинском языке. При этом мне не хотелось бы ограничиваться изучением деятельности исключительно активистов национального движения. Для понимания сложности становления канона национальной литературы и строительства украинской нации важно рассмотреть образ Шевченко в контексте конкурирующих политических проектов. Кроме того, свою задачу я вижу в том, чтобы обобщить некоторые выводы украинских исследователей, с которыми часто мало знакомы ученые в России.

1911–1913 гг.: «Если бы Шевченко был жив, он, наверное, был бы “с нами...”»

В среде украинско-ориентированной интеллигенции, прежде всего среди литераторов и поэтов, культ Тараса Шевченко существовал еще со второй половины XIX в. В текстах, посвященных ему, наряду с обращениями «земляк», «друг», «брат» употреблялся номинатив «батько», отец, использовался образ «великого кобзаря», пророка, борца и плакальщика одновременно [Хархун 2014а: 7]. К началу XX в. уже существовало несколько коммеморативных практик, связанных с именем поэта. Во-первых, это чествование «роковин» Шевченко 25 и 26 февраля (дня его рождения и дня смерти). Впрочем, украинские исследователи отмечают, что из-за политики властей и «низкого уровня сознательности украинского населения» годовщины Шевченко перед революцией почти не отмечались массово

[Машталір, Лозовий 2016: 179]. Во-вторых, могила поэта на Чернечьей горе в Киевской губернии играла роль важного символа в системе представлений украинского движения. По мнению С. Екельчика, она объединяла национальное и социальное единство народа, идею равенства «братьев и сестер с общим «отцом» над ними» [Екельчик 2010: 51]. В-третьих, особое значение в национальном движении имела публикация произведений Шевченко. Однако до 1905 г. значительная их часть была запрещена в Российской империи.

При этом именно распространение произведений Тараса Шевченко являлось одним из приоритетных направлений деятельности национально ориентированной интеллигенции. В одной из своих статей к 100-летию юбилею поэта шевченковед С.А. Ефремов подводил итоги всего того, что было сделано в предыдущие годы для популяризации шевченковского наследия среди народа. Он отдельно отметил, что считает недостаточным распространение «Кобзаря», самой известной книги стихов Шевченко. По словам литературоведа, она должна была стать «настойной книгой для каждого грамотного украинца» [Меленчук 2010: 9].

После снятия цензурных ограничений в 1905 г. в Российской империи был разрешен целый ряд произведений Тараса Шевченко. В 1907 г. заметный деятель украинского движения и издатель А.И. Лотоцкий стал инициатором полного издания «Кобзаря». По его словам, следующие четыре года, вплоть до 1911 г., сочинения Тараса Шевченко «свободно обращались на книжном рынке, и цензурное ведомство во все это время не встречало поводов изменить свое отношение к автору “Кобзаря” и тем его произведениям, которые впервые получили доступ к русскому читателю». Однако незадолго до отмечания 50-летия со дня смерти поэта власти изменили свое мнение и потребовали изъятия из «Кобзаря» отдельных фрагментов и целых произведений [Боряк та ін. 2013: 521].

Цензуре подлежали все антицерковные (по статьям уголовного уложения о нарушении постановлений, ограждающих веру) и антимонархические (по статье о неуважении верховной власти) высказывания Шевченко из 21 стихотворения. При этом отсутствовала квалификация каких-либо отрывков как антирусских высказываний или призывов к сепаратизму [Ковалев 1938: 260–263, 266–267]. С подачи харьковского архиепископа Арсения Синод постановил изъять из библиотек, школ и читален книгу «Кобзарь» «как вредную по ее антирелигиозному и безнравственному направлению» [Боряк та ін. 2013: 479–480]. По словам С.А. Ефремова, 10 тыс. экземпляров «Кобзаря», напечатанного к юбилею, было конфисковано полицией

в 1911 г., а в запрещенные произведения попали самые известные и популярные стихи Шевченко [Меленчук 2010: 9]. В том же 1911 г. наложен запрет на полное издание сочинений Тараса Шевченко и «Малый Кобзарь для детей» с изъятием всех напечатанных экземпляров [Надточій 2006: 71].

Как свидетельствуют документы Охранного отделения, такое повышенное внимание властей к украинскому вопросу было связано с обострением взаимоотношений с Австро-Венгрией. Украинское движение воспринималось как интрига со стороны внешнеполитического противника либо просто как опасное явление на территории, близкой к потенциальному театру военных действий [Боряк та ін. 2013: 484–485, 488–489, 491]. В Австро-Венгрии деятели украинского движения действовали достаточно свободно, работало общество «Просвита» и Научное общество имени Шевченко, возглавлявшееся историком и известным деятелем украинского движения М.С. Грушевским, широко издавались произведения Шевченко. В Российской империи же к началу Первой мировой войны большинство обществ, популяризовавших творчество Шевченко, «Просвита», было закрыто по политическим соображениям. Так, во время обысков в житомирской «Просвите» была найдена социал-демократическая литература, исторические сочинения М.С. Грушевского, а также «малорусская» литература, которая, по словам полицейского отчета, «пестрит именем Шевченко, оцениваемого главным образом за проявленные им выпады против “москалей”» [Боряк та ін. 2013: 496].

Такой образ Тараса Шевченко вполне мог встречаться в нелегальной литературе, а также в австро-венгерских изданиях, где работали многие деятели украинского движения, покинувшие Российскую империю. Например, Д.И. Донцов, уехавший во Львов в 1908 г., в своих публикациях резко критиковал «москвофильство», выступал против объединения с Россией. В статье к столетнему юбилею Шевченко этот политик и журналист доказывал значение поэта как национального символа борьбы «против угнетения нашей нации чужаками» [Донцов 1914: 6–7]. Роль же «Кобзаря» для деятелей украинского движения он сравнил с Библией для христиан [Донцов 1914: 8].

Совершенно иным оказывается образ Тараса Шевченко в легальных изданиях Российской империи. С.А. Ефремов, посвятивший целый ряд своих работ творчеству поэта, считал их каноном украиноязычной литературы. При этом литературовед выделял такие черты его произведений, как демократизм, называл его «борцом с крепостничеством», подчеркивал «мужичество», т.е. крестьянское происхождение, отразившееся в творчестве [Хархун 2014б: 24].

Будущие активные деятели Украинской Центральной рады в своих публицистических статьях тоже не раз обращались к роли произведений Тараса Шевченко. С.В. Петлюра в 1908 г. назвал его «гениальным мужиком-поэтом», подчеркнув, что его произведения «насквозь проникнуты духом протеста, духом борьбы, идеей радостного страдания за счастье всех поработанных страдальцев земли» [Петлюра 1993: 71]. Он рекомендовал всем украинским писателям для пользы общества вообще и его «передового класса», пролетариата, почаще заглядывать в «Кобзарь» [Петлюра 1993: 73]. В речи на поминках Шевченко в Москве в 1912 г. Петлюра выделил как национальные, так и социальные черты творчества поэта [Петлюра 1993: 79].

Несколько раз к творчеству Шевченко обращался и В.К. Винниченко. В речи по случаю 51-й годовщины смерти поэта в 1913 г. он также выделил «народное, крестьянское» мировоззрение автора, его любовь к угнетенным, стремление к равенству и братству [Винниченко 2014: 401]. «Именно поэтому, — подчеркнул Винниченко, — мы видим в Шевченко те национально политические идеалы, которые теперь могут быть смело заложены в программу любой искренней демократической партии» [Винниченко 2014: 404]. Таким образом, в публикациях подчеркивалась социальная, ориентированная на крестьянство составляющая образа Тараса Шевченко.

Как ни парадоксально, «Кобзарь» и другие сочинения Шевченко оказались востребованными и в среде правых. Исследователь К.К. Федевич отметил, что поэма «Гайдамаки» публиковалась в Российской империи с 1860 г. без цензурных ограничений из-за антипольских и антикатолических высказываний [Федевич, Федевич 2017: 95]. К столетию рождения автора «Кобзаря» Киевский клуб русских националистов даже предложил почтить память поэта изданием собрания его произведений для раздачи школьникам [Михутина 2003: 138]. Однако многих из русских националистов и монархистов, так же как и царскую цензуру, устраивали только усеченные произведения автора. В 1914 г. анонимная статья в «Воынской жизни» начиналась словами: «Господа “украинцы”, пожалейте Шевченко». В ней говорилось о том, что для памяти Шевченко было бы лучше, если бы часть стихотворений поэта не была опубликована, так как они оскорбляли чувства православных верующих [Федевич, Федевич 2017: 117]¹.

¹ Как отметила Ф. Хиллис, отношение правых к Шевченко начало заметно меняться после празднования годовщины его смерти в 1911 г. Все чаще стала звучать критика поэта как некультурного и неграмотного человека, атеиста, представителя «революционного лагеря». «В глазах этих критиков способность Шевченко озвучить чаяния трудящихся масс и его видение более справедливого общественного устройства — проекты, которые прежде приветствовали русские

Память Тараса Шевченко уважали довольно широкие слои имперской интеллигенции, в том числе те, кто был далек от украинского национального движения. Могила поэта посещалась в одном ряду с памятными местами, относящимися к таким деятелям, как Пушкин, Гоголь или Некрасов [Kotenko 2013: 229–230; Hillis 2013: 193]. Более того, предпринимались попытки «встраивания» образа Шевченко в общеимперский нарратив, чтобы предоставить Украине больше символического места в репрезентации империи¹.

Попытки «присвоения» Тараса Шевченко оказались очень характерными для полемики вокруг украинской национальной идентичности. Как резюмировал ситуацию в 1910 г. деятель украинского движения, писатель и публицист Н.Е. Шаповал, «[д]оказывается, что Шевченко был социалист и несоциалист, что он был рационалист и смиренный униатский попик, и приятель византийского Саваофа, что он был сепаратист и патриот “единой, неделимой”, был и демократ, и господин, был искренне народный украинский, исключительно украинский, а вместе и универсальный мировой поэт... Словом, сколько голов, столько у нас Тарасов Шевченко. И все вместе — украинские радикалы, социалисты, клерикалы, монархисты, либералы, октябристы, Шульгины и атеисты, хулиганы и подвижники — все дают свою “концепцию” Шевченко, причем обязательно от имени тридцатимиллионного украинского народа» [Гриценко 1998: 107]. Еще короче эту мысль выразил через четыре года к столетнему юбилею поэта другой деятель украинского движения Д.И. Донцов: «Каждый пытается одеть его в свой собственный кожух [кафтан, подбитый мехом, часть традиционного восточнославянского костюма. — К.Т.], все с апломбом заявляют, что если бы Шевченко был жив, он, наверное, был бы “с нами...”» [Донцов 1914: 5].

Заметна и еще одна тенденция. Исследовательница Л.Н. Киселева обратила внимание, что для национальных движений в Российской империи важным являлся выход национальной литературы на большой печатный рынок на русском языке. Это было необходимо, по словам ученой, для выхода за пределы своей общины, для общения с центральной властью, для мобилизации широкой общественной поддержки национальным проектам [Киселева 2012: 21]. Так, в 1909 г. в Москве было основано Общество единения народностей России, объединив-

националисты, — подорвали единство народа Руси и стабильность государства, которое они построили» [Hillis 2013: 260]. Иными словами, для них образ поэта перестал выступать объединяющим символом.

¹ Например, скульптор М.О. Микешин добавил на памятник Екатерине II в Екатеринодаре, открытый в 1907 г., фигуру Шевченко под видом безымянного кобзаря. См. об этом: [Поляничев 2016].

шее преимущественно представителей прокадетского лагеря. В 1914 г. оно обзавелось собственным печатным органом, журналом «Народы и области».

Товарищество украинских поступовцев, надпартийная украинская политическая организация, куда входили и М.С. Грушевский, и С.А. Ефремов, и С.В. Петлюра, и В.К. Винниченко, и другие, также стремилось найти себе союзников среди других народностей Российской империи. Позиция Товарищества была особенно важна, поскольку, по версии полицейского отчета, «вся легальная украинская работа на литературном и экономическом поприщах развивается под его руководством» [Записка 1916: 8]. Эта тенденция заметна на примере нескольких украинских изданий. Так, расширение интереса к другим национальным движениям видно в отношении газеты «Рада», главного печатного органа деятелей украинского движения, единственной выходившей в Российской империи в 1906–1914 гг. ежедневной газеты на украинском языке. Как отмечает О.А. Гром, с 1913 г. интерес украинских публицистов к национальным движениям в России выходит на новый уровень, и рубрика «Из жизни негосударственных наций» становится постоянной [Гром 2021: 31].

С 1912 г. в Москве стал выходить русскоязычный журнал «Украинская жизнь», редактором которого был С.В. Петлюра. В нем публиковались М.С. Грушевский, Д.И. Донцов, С.Ф. Русова, С.А. Ефремов, М. Горький, А.В. Луначарский. Несмотря на пестроту политических убеждений упомянутых авторов, единственной темой их статей была Украина и украинская национальная идея. Журнал постоянно использовал шевченковскую тематику. В первом номере за 1913 г. был опубликован перечень мероприятий по увековечению Шевченко, организованных усилиями местного землячества. Центральное место среди них было посвящено изданию шевченковского сборника. Средства, вырученные от его продаж, планировалось использовать для установки памятника поэту в Киеве.

1914 г.: «Шевченко боролся за правду, которую более всего ненавидят крепостники всех времен и всех народов»

Пожалуй, сильнее всего повышению внимания российской общественности к украинскому движению в целом и Тарасу Шевченко в частности способствовало празднование столетнего юбилея поэта в феврале 1914 г. Точнее, его отмена властями в самый последний момент. Накануне в Петербурге киевскому городскому голове было указано, что «шевченковские торжества превратятся в украинофильскую демонстрацию, поэтому лучше никаких торжеств не устраивать» [Егорова 2016: 56]. 5 февраля

министр внутренних дел направил циркуляр, запрещая «публичные чествования малороссийского писателя Тараса Шевченко». Попечитель Киевского учебного округа направил свой циркуляр директорам гимназий и народных училищ, в котором рекомендовал не допускать учащимся принимать участие в юбилейном чествовании [Боряк та ін. 2013: 520]. Наконец, Святейший Синод в ответ на запрос епархиальных архиереев сообщил, что «прямое и деятельное участие православного духовенства в чествовании может быть ложно истолковано и поэтому было бы неудобно» [Государственная дума 1914: 775]. Такая формулировка была воспринята как запрет служить панихиду по Шевченко, что возмутило даже многих из тех, кто не имел никакого отношения к украинскому национальному движению.

Дело дошло до Государственной думы, где депутаты подготовили запрос министру внутренних дел о том, что он своим циркуляром превысил полномочия. Вопрос об отмене торжеств в честь Тараса Шевченко обсуждали на пяти заседаниях думы, и все фракции, кроме правых, проявили удивительное единодушие. В речах выступавших звучал протест против незаконной процедуры отмены мероприятий, нарушения свободы собраний, осуждался запрет на чествование поэта как такового и особенно важного для украинцев. Часть депутатов, вставшая на сторону правительства, считала отмену необходимой, опасаясь, что дни памяти будут использованы сепаратистами и революционерами, которые якобы стремились использовать праздник в своих целях.

Во время этой дискуссии использовались самые разнообразные образы Тараса Шевченко, демонстрирующие попытки «приписать» юбиляра своей политической программе. При этом даже правые депутаты отзывались о творчестве поэта в превосходной форме. Депутат от Харьковской губернии И.М. Доценко, входивший во фракцию правых, назвал его «народным малороссийским поэтом» [Государственная дума 1914: 1425]. А член фракции кадетов депутат от города Киева С.А. Иванов призвал «осуществить празднование великого человека русской земли» [Государственная дума 1914: 715]. Социал-демократ А.И. Чхенкели назвал Шевченко «великим украинским поэтом-мучеником» [Государственная дума 1914: 1422]. Эту мысль подробнее развернул его однопартиец Н.С. Чхеидзе: «Шевченко боролся за правду, которую более всего ненавидят крепостники всех времен и всех народов, и Шевченко клеймил эксплуатацию, рабство, на котором строил благополучие как его барич, так и его достойные потомки» [Государственная дума 1914: 1166].

Депутат от Киевской губернии П.Ф. Мерщий стремился представить Шевченко крестьянским, «мужицким» поэтом, неверо-

ятно популярным в народной среде: «Кто был в украинской деревне, тот видел, что почти в каждой хате красуется портрет Шевченко на самом почетном месте, убранный рушниками и квітками, почти в каждой семье украинской имеется портрет Шевченко и имеется его “Кобзарь”. Этот “Кобзарь” почти каждый грамотный и неграмотный знает на память. Кто все это знает, тот не скажет, что Шевченковскими торжествами заинтересована только интеллигенция — сепаратисты, утописты. Ими заинтересован весь украинский народ» [Государственная дума 1914: 1195].

С ним спорили не только правые, но и лидер кадетов П.Н. Миллюков, подчеркнувший, что Шевченко — поэт народный, но не «простонародный», что он, помимо его литературных заслуг, является национальным политическим символом [Государственная дума 1914: 910]. С ним неожиданно соглашался лидер Киевского клуба русских националистов А.И. Савенко, высказавшийся за чествование поэта-лирика, но выступивший против политического использования имени Шевченко. «Своим» готов был называть поэта даже правый депутат В.Д. Пуришкевич, больше всех говоривший об опасностях украинского сепаратизма. С трибуны Государственной думы он заявил: «Мы ничего не имели бы, конечно, против празднования памяти Тараса Шевченко, чего они добивались, ибо Тарас Шевченко во многих смыслах являлся лицом, которое разделяло наши политические воззрения» [Государственная дума 1914: 1204]. Затем, процитировав отрывок из шевченковской «Ведьмы», депутат заявил, что поэт верил в кровавый навет на евреев.

Согласно записке Петербургского охранного отделения, накануне «роковин» Шевченко в редакцию популярной студенческой газеты «Студенческие годы» поступали многочисленные письма от украинских групп и землячеств высших учебных заведений Санкт-Петербурга и Москвы, в которых говорилось, что запрещение чествовать память поэта «является одним из звеньев общей русской реакции», в связи с этим студенты призывались к борьбе с «существующим политическим укладом» [Запрещение 1936: 229].

По мысли студентов-организаторов демонстраций в Киеве, имя Шевченко должно было стать символом революционной акции, причем не только как протест против преследования украинства, но как общий протест против политики царизма. Нужно отметить, что в образовавшийся Общекоалиционный совет высших учебных заведений Киева вошли представители всех социалистических студенческих фракций и нелегальных экономических организаций [Гермайзе 1924: 124–125, 131]. Как следует из листовки этого совета, распространявшейся на русском,

украинском и польском языках, киевские студенты готовились протестовать против запрета «праздника революционно-классового и национального самосознания народов, запертых в бюрократически-централизованной, полицейско-руссификаторской России». Шевченко для них был «поэтом-революционером», устами которого заговорила «веками угнетенная украинская трудящаяся масса крестьянства». Организаторы демонстраций хотели сделать день памяти поэта «днем революционного протеста против политики всеобщего душителства и изгнывающих форм современного бюрократического режима». «Долой национальный гнет и да здравствует автономия каждой национальности! Да здравствует вторая российская революция! Да здравствует социализм!» — заканчивалась листовка [Боряк та ін. 2013: 524–526]. Не вызывает сомнений отчетливая революционная и социалистическая риторика листовки. Национальный вопрос в ней является частью общей проблемы угнетения со стороны властей. В протесте по случаю отмены празднования годовщины Шевченко его организаторы стремились привлечь значительно более широкие круги, чем только деятели украинского национального движения.

Чествование поэта было ознаменовано стачками и демонстрациями рабочих в Киеве, Харькове, в Полтавской, Херсонской и Волынской губерниях [Марголис 1982: 47]¹. Крупные беспорядки произошли в Киеве, где демонстрантов, стремившихся почтить память Шевченко 25 и 26 февраля, разгоняла полиция и где прошли столкновения с членами монархической организации «Двухглавый орел». Здесь за два дня было арестовано 104 человека [Гермайзе 1924: 227–229].

Заметными оказались и демонстрации в столице Российской империи. Накануне событий петербургский градоначальник распорядился о принятии «всех мер, чтобы на улицах столицы не нарушался порядок и чтобы не было никаких шествий и демонстраций» [Марголис 1982: 48]. Тем не менее, как и в Киеве, студенты готовились протестовать. 26 февраля сходка в Петербургском университете единогласно приняла резолюцию против запрета празднования годовщины «великого певца Украины и всей народной Руси» [Марголис 1982: 49]. В стенах университета студенты пели помимо «Вечной памяти» революционные песни «Рабочую марсельезу» и «Вы жертвою пали» [Запрещение 1936: 229]. Аналогичные сходки состоялись и в других высших учебных заведениях с целью выразить протест против «реакционной политики правительства, запрещающего чествовать память великого поэта» [Запрещение 1936: 230]. Демонстрация

¹ См. также: [Ковальов 1939: 153–176; Марголис 1983: 181–189].

в этот день произошла на Невском проспекте, где полиция несколько раз рассеивала толпу, распространялись антиправительственные воззвания и пелись революционные песни [Марголис 1982: 50].

В.И. Ленин в речи, написанной для депутата думы Г.И. Петровского, по достоинству оценил события: «Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя. Я думаю, все наши лучшие социал-демократические агитаторы против правительства никогда не достигли бы в такое короткое время таких головокружительных успехов, каких достигла в противоправительственном смысле эта мера. После этой меры миллионы и миллионы “обывателей” стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть “тюрьма народов”» [Ленин 1969: 66].

Таким образом, запрет 100-летнего юбилея Тараса Шевченко, спровоцировавший скандал, вызвал протест против действий властей и акции солидарности с украинцами. Кроме того, этот повод был активно использован для антиправительственной агитации. В целом же накануне Первой мировой войны в Российской империи среди политических и общественных деятелей был востребован образ Шевченко как крестьянского поэта. Для одних это означало социальную заостренность его произведений. Другие считали их проявлением народной («простонародной») культуры. И те и другие видели поэта важной частью общероссийской (имперской) культуры. Вместе с тем и думские политики, и царские чиновники имели в виду и то, что в определенных кругах Шевченко становился символом украинского национального движения. Последнее, впрочем, тоже не было едино в своих целях.

1914–1917 гг.: «...ты не умрешь в народе не за то, что боролся за родной край»

Начавшаяся Первая мировая война еще сильнее обострила украинский вопрос. В 1914 г. во Львове был создан внепартийный Союз освобождения Украины (СОУ), претендовавший на представительство интересов украинцев Российской империи, стремясь добиться государственной самостоятельности Украины. Председателем его вначале был избран Д.И. Донцов [Патер 2000: 74]. В сферу деятельности союза входила и агитация среди военнопленных-украинцев, которых размещали в отдельных от русских солдат лагерях. Делегаты СОУ отмечали, что «все пленники рады бы достать что-то до чтения». По их словам, чаще всего требовали, кроме религиозной литературы, «Коб-

заль» Шевченко [Нагорная 2010: 216; Срібняк 2017б: 100]. Неудивительно, что по инициативе СОУ в Австро-Венгрии в 1915 г. «Кобзарь» был переиздан [Каднічанські и др. 2014]. Союз также выпускал свой «Вестник», где помимо прочего популяризировал творчество Шевченко. В итоге первый полк, созданный к 1916 г. при деятельном участии СОУ из военнопленных-украинцев в лагере Раштат, получил наименование 1-го Запорожского полка имени Тараса Шевченко [Срібняк 2017а: 81]. Все это говорит о том, что образ поэта являлся здесь важным объединяющим символом.

Большинство авторов по украинской проблематике в Российской империи, по-видимому, искренне стремились отмежеваться от сепаратистских установок. Например, пророссийскую декларацию в связи с войной опубликовала «Украинская жизнь». Но особенно в связи с изучаемым нами вопросом хотелось бы обратить внимание на уникальный проект — сборник «Отечество», вышедший в 1916 г. Большую его часть занимал «Историко-литературный отдел», представлявший собой антологию финской, эстонской, латышской, литовской, малорусской / украинской (термины использованы как взаимозаменяющие), еврейской, польской и грузинской литературы. Каждый блок открывался вступительной статьей о развитии данной литературы, а затем шла подборка произведений в переводах на русский язык. Авторский коллектив стремился доказать ценность культур национальных меньшинств, перспективность политики русификации и необходимость широких реформ. При этом главное внимание было сосредоточено на формировании конструктивной положительной программы. Авторы «Отечества» считали важным, чтобы Российская империя сохранилась как целое, мирным путем переродившись в демократическое государство. Л.Н. Киселева обратила внимание, что состав авторов сборника свидетельствует о том, что «Отечество» выражало установки кадетской партии и ориентировалось на либеральную интеллигенцию [Киселева 2012: 42–44, 46].

Очерк истории «малорусской» литературы подготовили академик В.Н. Перетц (о «старинной украинской литературе») и С.А. Ефремов (о состоянии современной). В художественной части представлены произведения Ивана Франко, Михаила Коцюбинского, Марко Черемшины, но первым номером шел, конечно, Тарас Шевченко. В сборнике переведены два его стихотворения — «Завещание» и «Послание землякам». Таким образом, творчество Шевченко использовалось украинскими активистами по обе стороны фронта: одними для популяризации национальной эмансипации, другими для интеграции украинской культуры в общеимперскую.

Новому этапу в украинском движении способствовало падение монархии в феврале 1917 г. События Февральского восстания совпали с очередными днями памяти Шевченко. Неудивительно, что первые месяцы многочисленные съезды, совещания и демонстрации украинцев начинались с ритуала поминовения Тараса Шевченко, «мученика за свободу». Шевченко оказался в пантеоне борцов не только за свободу Украины, но и в целом за революцию. На всех демонстрациях и манифестациях носили портреты Шевченко, музыкальная обработка его «Заповіта» стала одним из национальных гимнов Украины [Верстюк та ін. 2003: 19, 28, 30, 32, 53, 54, 58, 63, 79, 108, 148, 208, 243]. Образы поэта стали главным атрибутом на «праздниках свободы».

На одном из первых из них, 12 марта, в Петрограде крупная украинская манифестация началась с панихиды по Тарасу Шевченко перед Казанским собором. Вместе с поэтом поминали «всех павших за свободу народную» и произносились речи представителей от финских, польских, эстонских и латышских организаций «о правах отдельных народностей России на национальное самоопределение». Собравшиеся пропели шевченковский «Заповіт». Начавшееся затем крупное шествие по Невскому проспекту проходило под желто-голубыми флагами, красными знаменами и плакатами «Пусть живет свободная Украина!» и «Да здравствует федеративная республика!» [Сурожский 1917; Большое шествие 1917]. Как видно по символике, украинское национальное движение рассматривалось его организаторами как часть общего федералистского курса по национальному вопросу, а образ Шевченко вписывался в плеяду погибших революционеров.

После панихиды в Киеве 19 марта 1917 г. на 100-тысячном митинге выступил М.С. Грушевский. Первый председатель Украинской Центральной рады сказал: «Семьдесят лет назад здесь, в Киеве, лучшие сыновья нашего народа Шевченко, Костомаров, Кулиш и другие постановили добиваться освобождения Украины от московского ярма, превращения ее в свободную республику, связанную федеративной связью с другими славянскими народами. Жестокими карами, тюрьмой, ссылками, запретами ответило на это московское правительство. Под тяжкими запретами держало оно даже наше слово. Только теперь упали все ограничения, введенные им <...>. Перед лицом лучшего сына нашего народа, бессмертного гения нашего слова, великого пророка нашего освобождения — поклянемся в этот великий момент все как один человек: единогласно и единодушно всем стать на великое дело и не отдыхать, и рук не опускать, пока не построим эту автономную свободную Украину» [Верстюк та ін. 1996: 48]. Таким образом, Грушевский использовал торжествен-

ное событие, объявив Шевченко духовным вождем народа и борцом за свободу.

Культ Шевченко в 1917 г. популяризировался вновь появившимися общественными, просветительскими организациями, прежде всего возрожденными обществами «Просвита», которые в основном носили имя поэта [Малюта 2008]. Фигура Шевченко активно использовалась на различных массовых манифестациях, посвященных его памяти, вечерах и концертах в его честь, в паломничествах к могиле на Чернечьей горе, наименовании его именем улиц и других культурных объектов, выпуске сборников, а также в упоминании в газетных и журнальных статьях, литературе научного и пропагандистского характера и т.п. [Мельник 2004; Машталір 2011; Лозовий 2015; Машталір, Лозовий 2016: 62–78; Артюх 2020: 38–57].

Формирование национальных украинских воинских частей также указывало на популярность и символическую значимость Шевченко. Так, одна из первых украинизированных воинских частей Севастопольский флотский полуэкипаж выбрал своим знаменем флаг с портретом Тараса Шевченко и строками из его стихотворения: «Обнимись, брати мої, молю вас, благаю!» [Гриценко 2015: 18]. Наряду с именами гетманов Запорожской сечи целый ряд украинизированных подразделений принял имя поэта [Голубко 1997: 72, 91, 113, 148]. Таким образом, культ Шевченко достиг в этот период кульминационной точки.

В 1917 г. в книге посетителей могилы Шевченко помимо записей, прославляющих освобождение Украины, заметна отчетливая социальная риторика: «ты не умрешь в народе не за то, что боролся за родной край, а за то, что был светочем правды, что имел отзывчивую душу на чужие страдания» [Варавва 1930: 21], «мы все сделали, что и вам хотелось <...> цари и все его слуги с престола упали, да не все» [Варавва 1930: 23]¹. 3 июля 1917 г., в день принятия Центральной радой II Универсала, могилу Шевченко посетило руководство украинских социалистов-революционеров во главе с Н.Н. Ковалевским. Они оставили следующую запись в памятной книге посетителей: «Самый большой и сильный универсал украинскому народу, на Украине и вне Украины — это “Кобзарь” Тараса Шевченко» [Варавва 1930: 17].

Демонстрация верности идеалам Шевченко происходила на различных губернских, уездных и волостных съездах. Ритуал почитания поэта становился неотъемлемой частью и общенациональных форумов. На Всеукраинском национальном съезде,

¹ См. также: [Тарахан-Береза 1998: 129].

который проходил 6–8 апреля 1917 г. и принял политическую программу украинского движения, представители Селянского спилки (Украинского Крестьянского союза), близкие украинским эсерам, внесли флаг с портретом Шевченко и надписью «Слава бессмертному Кобзарю!» Участники собрания немедленно встали, исполнили «Заповіт» [Верстюк та ін. 1996: 53]. В данном случае это скорее была импровизация представителей определенной политической группы. Но в июне 1917 г. на Втором Всеукраинском военном съезде поминовение Шевченко являлось уже частью церемониала. Вечернее заседание 5 июня делегаты начали с минуты молчания по Тарасу Шевченко. После этого председатель съезда выступил с докладом, отметив, что Шевченко не только «гениальный поэт, он еще и великий пророк и борец за свободу своего народа; своим пророческим даром он предсказал, что украинский народ будет свободен, о чем свидетельствуют бессмертные слова его “Заповіта”» [Машталір, Лозовий 2016: 70]. В конце этого съезда В.К. Винниченко зачитал Первый Универсал Центральной рады, провозгласивший автономию Украины, после чего форум закрылся провозглашением «славы воскресшему украинскому народу», почтением памяти Тараса Шевченко и пением «Ще не вмерла Украина» [Универсальный акт 1917]. Таким образом, украинский поэт превращался в объединяющий символ для украинцев, среди которых заметной была локальная идентичность. Его образ активно использовался для легитимации украинского национального движения, коллективной идентичности, исторической памяти.

1918–1921 гг.: «Шевченко... является ничьим поэтом и поэтом всех»

Несмотря на заметное распространение культа Тараса Шевченко в украинском национальном движении в 1917 г., элементом исторической политики он стал только после провозглашения независимости Украинской народной республики. С.В. Петлюра, создавая национальную армию, стремился использовать в ее построении элементы, связанные с исторической памятью украинского народа. Так, некоторые подразделения, создававшиеся из украинизированных полков, назывались гайдамацкими. Гайдамацкое движение в короткий период в первые десятилетия XVIII в. воспевалось именно в творчестве Тараса Шевченко, гайдамаки стали героями его литературных произведений. 6 марта 1918 г. Рада народных министров приняла решение сделать 27 февраля (Шевченковский праздник) национальным. В этот день все правительственные учреждения должны были быть закрыты. Во всех школах следовало устраивать лекции, беседы и концерты о Шевченко в его «нацио-

нально общественном и социальном значении» [Верстюк та ін. 1997: 180].

Однако вскоре, 29–30 апреля 1918 г., Украинская Центральная рада была разогнана, произошел гетманский переворот. Свообразным откликом на него стал целый ряд записей в книге посетителей могилы Шевченко в мае 1918 г., сделанный украинскими социалистами. Член ЦК УСДРП М.О. Авдиенко написал 6 мая 1918 г.: «Будем дальше еще упорно продвигать Твое дело — бороться за освобождение нашего пролетарского народа от национальной и социальной неволи» [Варавва 1930: 24]. Олекса С-к (возможно украинский эсер, дипломат А.А. Севрюк) записал: «Батьку! Твой революционный дух захватывает наши сердца — вскоре мы выйдем на последний бой со всеми угнетателями нашей национальной и социальной свободы». Автор поклялся отдать свою жизнь за «Украинскую независимо-рабочую республику» [Варавва 1930: 24]. Для украинских социалистов в этот период образ Шевченко актуализировался в значении борца за свободу.

Тем не менее и при гетмане Тарас Шевченко остался объединяющим символом. В апреле 1918 г. Всеобщее народное собрание Киевской области решило поручить заботу о могиле поэта Народной губернской администрации. Возглавлявший ее в то время С.В. Петлюра подписал документ «Об упорядочении могилы Т.Г. Шевченко» [Брижицька 2017: 103]. А 10 июня 1918 г. Совет министров провозгласил могилу национальным достоянием. Во время гетманщины велась работа по изданию трудов Тараса Шевченко, они выходили массовым тиражом, были включены в программы учебных заведений [Мельниченко 2010: 202]. По официальным данным, в конце 1918 г. украинские издательства выпустили 6 тыс. экземпляров только одного «Кобзаря» [Машталір, Лозовий 2016: 153].

П.П. Скоропадский, не будучи деятелем украинского национального движения, в воспоминаниях так объяснял свое отношение к украинской культуре и Шевченко: «Нельзя упрекнуть Шевченко, что он не любил Украины, но пусть мне галичане или кто-нибудь из наших украинских шовинистов скажет по совести, что, если бы он был теперь жив, отказался бы от русской культуры, от Пушкина, Гоголя и тому подобных и признал бы лишь галицийскую культуру; несомненно, что он, ни минуты не задумываясь, сказал бы, что он никогда от русской культуры отказаться не может и не желает, чтобы украинцы от нее отказались. Но одновременно с этим он бы работал над развитием своей собственной, украинской, если бы условия давали бы ему возможность это делать» [Скоропадський 1995: 233]. Таким образом, гетман Украины, как и некоторые русские на-

ционалисты начала XX в., признавая самобытность украинской культуры, считал ее неразрывным целым с русской культурой.

Параллельно увековечение Шевченко происходило и в Советской России. В июле 1918 г. согласно ленинскому плану монументальной пропаганды ВЦИК было принято постановление о сооружении памятников выдающимся деятелям культуры прошлого, где наряду с фигурами Маркса, Герцена и Гоголя была названа фамилия Шевченко. Если при гетмане П.П. Скоропадском первый памятник поэту в Ромнах был открыт 27 октября 1918 г., то большевики опоздали ненамного. Уже через шесть дней, 3 ноября, ими был установлен временный бюст Шевченко в Москве, а 29 ноября — в Петрограде. В короткий период контроля над Киевом в феврале-августе 1919 г. большевики установили свой первый скульптурный бюст автора «Кобзаря» на территории Украины. Тогда же в марте 1919 г. вышло постановление «О чествовании памяти Тараса Шевченко» за подписью народного комиссариата просвещения Советской Украины В.П. Затонского. В нем днем памяти было назначено 11 марта. В этот день «по всем школам и внешкольным учреждениям вместо занятий <...> устраиваются лекции, доклады, рефераты, посвященные памяти народного поэта» [Постанова 1919].

В 1919 г. в книге посетителей могилы Шевченко появились первые строки, подписанные коммунистами: «поборник правды и защитник всего бедного, обманутого народа, идейный человек, который борется за всю бедноту, как и ты боролся, наш родной батьку», «не забывайте, что святой Тарас был революционер, страдалец народа», «великому своему писателю и борцу за волю обездоленной Украины». Могилу поэта в марте 1919 г. навестили делегаты III Всеукраинского съезда Советов рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов [Варавва 1930: 37–38, 40, 41, 43].

В июне 1920 г. некий коммунист А. Ермолов записал по-русски: «Только народ, сбросивший с себя ярмо эксплуатации, вполне оценит твою деятельность, великий борец за свободу». В 1920–1921 гг. немало записей красноармейцев и матросов Балтийского и Черноморского флотов, представителей советских и партийных структур о «первом бунтаре на поле классовой борьбы». Они выражали уверенность, что Шевченко на их стороне, и призывали на страницах книги «следовать его примеру для торжества независимой Социалистической Украинской Советской республики» [Варавва 1930: 133–135]. По словам исследовательницы С.А. Брижицкой, в книгах впечатлений посетителей Чернечьей горы начиная с 1924–1925 гг., т.е. 110-летия поэта, и особенно в 1927 г. ощущим переход от национальной идентификации Шевченко («батьку») к советской (боец, рево-

люционер). Если использовалась его национальная идентификация, то она имеет классовый характер («отец пролетариев») [Брижицька 2013: 242].

Шевченко сохранял свое символическое значение и для противоположных сторон Гражданской войны. В 1919 г. Чернечью гору посещали деникинцы. Одна из записей, например, прославляла «русского писателя Тараса Шевченко» [Варавва 1930: 42].

Уже в Тарнове, на территории Польши, в марте 1921 г. Рада республики (украинское национальное собрание в изгнании) отметила дни памяти Шевченко. Перед собравшимися выступил и С.В. Петлюра. Он, как и десятилетие назад, попытался сформулировать образ автора «Кобзаря» как «поэта угнетенной нации», которая покоилась на двух принципах: «национальная свобода и социальное избавление». В целом же главный атаман и президент республики подчеркнул роль Шевченко как объединяющего символа: «Я думаю, что если бы украинская литературная критика занималась выяснением, к какой партии лучше приобщить Шевченко, то это было бы занятием неблагодарным и не соответствовало бы не только содержанию, но и результатам той большой работы, которую сделал своим делом, своим словом Шевченко, ибо каждая украинская партия может с одинаковым правом и в одинаковой степени назвать его своим. Я бы сказал, что Шевченко в этом смысле является ничьим поэтом и поэтом всех» [Сергійчук 1999: 396].

Это, однако, не означало, что Шевченко мог стать объединяющим для сторон Гражданской войны. Наоборот, его образ неоднократно подвергался символическому насилию. Так, при аресте Петроградского украинского военного штаба в декабре 1917 г. портрет поэта был проткнут штыками красновардейцев, а после взятия Киева войсками М.А. Муравьева в январе 1918 г., по словам В.К. Винниченко, солдаты топтали ногами портреты автора «Кобзаря» [К разгону 1917; Верстюк та ін. 1997: 321]. В 1919 г. после установления контроля над Киевом войсками Деникина повсюду были сняты и уничтожены портреты Шевченко, а его бюст, недавно установленный большевиками, разбит [Солдатенко 2012: 386]¹. Иными словами, в условиях войны образ Шевченко мог восприниматься и как фигура, почитаемая противником, а следовательно, подлежал символическому уничтожению. То есть в некоторых случаях он считывался как символ украинского сепаратизма, а не как поэт-революционер или литератор общероссийского значения.

¹ Впрочем, этот акт был осужден генералом В.З. Май-Маевским как «безобразная выходка» [Пученков 2016: 182].

На страницах книги посетителей могилы поэта, помимо сетований о тяжелой эпохе, наставший для Украины, встречается несколько десятков записей, полных ненависти к не украинцам (русским и евреям). Для их авторов Тарас Шевченко олицетворял борьбу с «чужестранцами» [Варавва 1930: 11, 12]. В июне 1920 г. могилу посетил член украинской партии левых эсеров (боротьбистов) В. Владимиров, написавший по-русски: «Если бы ты был жив, ты бы боролся вместе с трудящимися Украины против петлюровского шовинизма и националистической травли, которая ведется этим изменником украинского трудового народа. Хай живе Вильна Українська Советская Республика! Твои мечты, дорогой поэт народа, осуществляются сейчас» [Тарахан-Берега 1998: 133].

Таким образом, культивирование украинского поэта использовали как украинские социалистические партии, так и большевики, общественные организации и государственные органы. «Символический капитал» Шевченко являлся элементом исторической политики разных властных интересов, его использовали для обретения своей стороной капитала политического. Если в эпоху Украинской народной республики и гетманата упор делался на «украинскости» образа Шевченко, то большевики и их союзники ставили акцент на классовом характере творчества поэта, вписывая его в ряд других «революционеров» прошлого.

* * *

Мы можем наблюдать, что в период Первой мировой и Гражданской войн еще невозможно говорить о едином каноне восприятия образа Тараса Шевченко. Образ отца-основателя нации заметно выдвигался на первый план у деятелей украинского движения. Однако для одних первостепенной являлась такая его черта, как борьба с руссификаторскими тенденциями имперских властей, а для других, тяготевших к социализму, более важными оказывались высказывания поэта против угнетенного положения украинского крестьянства. Такое отличие имело важные выводы с точки зрения будущего Украины. Более радикально настроенные активисты национального движения выступали против «пришлого» населения на территории малороссийских губерний и за независимость национального государства.

Украинские социалисты были близки в своей интерпретации образа Шевченко к представителям других социалистических сил, которые в определенной ситуации апеллировали к нему как наднациональному борцу за свободу. Такое положение открывало возможности для сотрудничества на определенных

этапах, как это видно на примере организации протестов против отмены празднования столетия со дня рождения литератора или сразу после падения монархии во время «праздников свободы». В 1917 г. Шевченко оказался в общероссийском пантеоне революционеров прошлого, который в определенной степени наследовала Советская Россия. Это позволило большевикам найти союзников среди украинских социалистов в годы Гражданской войны.

Часть русских националистов, уроженцев малороссийских губерний, видели в Шевченко «союзника» в борьбе против польского и еврейского «засилья». Украинский язык, украинскую культуру они рассматривали как свойственную местному крестьянству и в этом смысле апеллировали к творчеству поэта. При этом они не рассматривали их вне общероссийского контекста. Более того, считали, что в Украине сохранилась восточнославянская культура, близкая образцам Киевской Руси. Именно в таком качестве культ Шевченко оказался востребован режимом гетмана Скоропадского.

В рассматриваемый период образ поэта и его творчества политические акторы стремятся вписать в несколько дискурсов. Во-первых, это антиколониальный дискурс, рассматривавший Тараса Шевченко как сторонника национального освобождения, отца нации, противопоставляющегося ассимиляционным попыткам со стороны России. Во-вторых, можно выделить социальный дискурс. В его контексте подчеркивались такие элементы образа поэта, как его крестьянское происхождение, репрессии против него со стороны монархии, видение его как борца за общероссийскую свободу, революционера. Наконец, интеграционный дискурс предполагал рассмотрение творчества Шевченко и в целом украиноязычной литературы как составляющую общеимперской культуры. При этом политические линии раскола наметились не по границам этих дискурсов, а «поперек» их, сочетая в той или иной пропорции элементы каждого.

И сторонники унитарного государства, и приверженцы национальной автономии, и сепаратисты в целях политической мобилизации использовали один и тот же символ. При этом фигура Шевченко не смогла объединить политические движения не только на общероссийском уровне, но и в самом украинском движении, хотя такие попытки предпринимались. Напротив, она воспринималась и использовалась не только для объединения определенных групп, но и для отмежевания от политических оппонентов. Украинский поэт благодаря своей достаточно широкой узнаваемости становился оспариваемым символом, вокруг которого шла политическая борьба.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: культуры конфликта в России и эскалация гражданской войны» <<https://rscf.ru/project/20-18-00369/>>. Я признателен А.Н. Дмитриеву за идею подготовки статьи, а также российским и зарубежным коллегам за внимательное чтение и рекомендации. Я также выражаю свою благодарность двум анонимным рецензентам за ценные рекомендации по улучшению текста.

Источники

- Большое шествие, при участии солдат Волинского полка, с украинскими флагами и плакатами // Петроградская газета. 1917, 16 марта.
- Боряк Г. та ін.* (упоряд.). Українська ідентичність і мовне питання в Російській імперії: спроба державного регулювання (1847–1914): Збірник документів і матеріалів. Київ: Інститут історії України, 2013. 810 с.
- Верстюк В.Ф. та ін.* (упоряд.). Українська Центральна Рада: Документи і матеріали. Київ: Наукова думка, 1996. Т. 1. 590 с.
- Верстюк В.Ф. та ін.* (упоряд.). Українська Центральна Рада: Документи і матеріали. Київ: Наукова думка, 1997. Т. 2. 424 с.
- Верстюк В.Ф. та ін.* (упоряд.). Український національно-визвольний рух. Березень — листопад 1917 року: Документи і матеріали. Київ: Видавництво імені Олени Теліги, 2003. 1024 с.
- Винниченко В.* Філософія й етика Шевченка. Промова в 51 роковини смерті поета // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету ім. В. Гнатюка. Сер.: Літературознавство. 2014. Вип. 40. С. 399–406.
- Гермайзе О.* Шевченківська демонстрація в Києві р. 1914 // Червоний шлях. 1924. № 3. С. 121–147.
- Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. Ч. 2: Заседания 29–52 (с 22 января по 19 марта 1914 г.). СПб.: Гос. Типография, 1914. [1006 с.]
- Донцов Д.* З приводу ювілею Шевченка // Ювілейна збірка статей про Тараса Григоровича Шевченка в соті роковини Його народження. Виннипег: З «Народної Друкарні», 1914. С. 6–7.
- Записка об украинском движении за 1914–1916 годы с кратким очерком истории этого движения, как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии. Б.м.: Б.и., [1916]. 75 с.
- Запрещение царизмом чествования памяти Т. Шевченко // Красный архив. 1936. Т. 3(76). С. 226–230.
- К разгону украинского штаба // День. 1917, 13 дек.
- Ковалев И.* Борьба царского правительства и цензуры с революционным «Кобзарем» Т.Г. Шевченко // Красный архив. 1938. Т. 91. С. 255–270.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. Т. 25. 646 с.
- Петлюра С.* Статті. Київ: Видавництво художньої літератури «Дніпро», 1993. 345 с.

- Постанова Народнього Комісаріяту Освіти // Известия Временного рабоче-крестьянского правительства Украины и Х.С.Р.Д. 1919, 7 марта.
- Сергійчук В.* (упоряд.). Симон Петлюра. Статті. Листи. Документи. Київ: Видавництво імені Олени Теліги, 1999. Т. 3. 616 с.
- Скоропадський П.* Спогади. Кінець 1917 — грудень 1918. Київ; Філадельфія: НАН України, 1995. 493 с.
- Сурожский П.* Обновленный Петроград // День. 1917, 14 марта.
- Универсальный акт Украинской рады // День. 1917, 14 июня.

Бібліографія

- Артюх В.* Творення культу Тараса Шевченка на теренах Сумщини в роки Української революції (1917–1921) // Сумська старовина. 2020. № 56. С. 38–57.
- Брижницька С.* Сприйняття робітниками постаті Тараса Шевченка у 1927–1928 роках // Шевченкознавчі студії: 36. наук. праць. 2013. Вип. 16. С. 241–249.
- Брижницька С.* Прояв національної самосвідомості відвідувачів Тарасової гори у період Центральної ради (1917–1918 рр.) // Вісник Черкаського університету. 2017. № 2. С. 100–105.
- Варавва О.* Прочани на могилі Т.Г. Шевченка (матеріяли з кн. відвідувачів могили за 1917–1921 рр.). Харків: Держвидав України, 1930. 55 с.
- Голубко В.* Армія Української Народної Республіки 1917–1918. Утворення і боротьба за державу. Львів: Кальварія, 1997. 275 с.
- Гриценко І.* Український Державний Флот в 1917–1919 рр.: історія його становлення, військово-політичної боротьби та занепаду. Київ: Вид. Олег Філюк, 2015. 230 с.
- Гриценко О.* «Своя мудрість». Національні міфології та «громадянська релігія» в Україні. Київ: Український центр культурних досліджень, 1998. 184 с.
- Гром О.А.* Национальные движения народов России начала XX в. глазами украинских публицистов (по материалам газеты «Рада») // Русская старина. 2021. № 12(1). С. 29–38.
- Егорова К.Б.* Кому пролетариат ставит памятники: 125 лет со дня рождения Т.Г. Шевченко // Славяноведение. 2016. № 3. С. 51–61.
- Єкельчик С.* Українофіли: світ українських патріотів другої половини ХІХ століття. Київ: КІС, 2010. 272 с.
- Каднічанські Д., Литвин М., Серєда О., Стеблій Ф., Хахула Л.* Вшанування пам'яті Тараса Шевченка в Галичині // Краєзнавство. 2014. № 1. С. 10–19.
- Киселева Л.Н.* Литературная составляющая имперского национального проекта // «Идеологическая география» Российской империи: пространство, границы, обитатели: Коллективная монография. Тарту: Kirjastus, 2012. С. 12–70.
- Ковальов І.* Юбілей Т.Г. Шевченка при царизмі (з матеріалів Центр. держ. архіву внутр. культури та побуту) // Радянське літературознавство. 1939. Кн. 4. С. 153–176.

- Лозовий В.С.* Поширення культу Тараса Шевченка як складова формування української національної ідентичності в період революції 1917–1921 рр. // Вісник Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Історичні науки. 2015. Вип. 8. С. 340–347.
- Малюта О.* Просвіти і українська державність (друга половина XIX — перша половина XX ст.). Київ: Просвіта, 2008. 840 с.
- Марголис Ю.Д.* Шевченковские годовщины и Петербургский университет // Тишкин Г.А. (отв. ред.). Очерки по истории Ленинградского университета. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. Т. 4. С. 33–51.
- Марголис Ю.Д.* Юбилей Т.Г. Шевченко 1914 г. (Из истории общественно-политической борьбы) // Мавродин В.В., Семенов Л.С. (отв. ред.). Вопросы истории России XIX — начала XX века. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. С. 181–189.
- Маишталір А.І.* Вплив постаті Т. Г. Шевченка на піднесення національної свідомості українців у 1917–1920 рр. // Завальнюк О.М. (ред.). Освіта, наука і культура на Поділлі: 36. наук. праць. Кам'янець-Подільський: Оіюм, 2011. Т. 18. С. 324–334.
- Маишталір А.І., Лозовий В.С.* Політична інструменталізація постаті та творчості Тараса Шевченка як чинник національного відродження у Наддніпрянській Україні (1917–1920 рр.). Тернопіль: ФОП Паланиця В.А., 2016. 296 с.
- Меленчук О.* Феномен святкування роковин, присвячених пам'яті Т. Шевченка як соціокультурне явище в боротьбі за українську незалежність у літературно-критичних студіях С. Єфремова // Вісник Черкаського університету. 2010. Вип. 178. Сер. Філологічні науки. С. 5–12.
- Мельник Е.М.* Ім'я Тараса Шевченка в українській школі (1917–1920) // Етнічна історія народів Європи: 36. наук. праць Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Київ: Унісерв, 2004. Вип. 17. С. 47–51.
- Мельниченко В.* Вшанування пам'яті Т.Г. Шевченка на Черкащині: зародження та розвиток традицій // Краєзнавство. 2010. № 1–2. С. 200–205.
- Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2003. 290 с.
- Нагорная О.С.* Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.
- Надточій О.* Видання та цензура драматичних творів, пов'язаних з іменем Тараса Шевченка, у кінці XIX — на початку XX ст. // Друкарство. 2006. № 4. С. 68–72.
- Патер І.* Союз визволення України: проблеми державності і соборності. Львів: Б.и., 2000. 344 с.
- Полянничев А.* Екатерина II как казачья мать: памятник императрице в Екатеринодаре и запорожский миф Кубани // Сафронова Ю.А. (отв. ред.). 400-летие дома Романовых, 1613–2013. Политика памяти и монархическая идея. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. С. 132–163.

- Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 — весна 1920 г.). М.: Научно-политическая книга, 2016. 399 с.
- Солдатенко В.Ф. Гражданская война в Украине. 1917–1920 гг. М.: Новый хронограф, 2012. 635 с.
- Срібняк І. Новітня «Запорізька Січ» на чужині (творення парамілітарних структур в українському таборі Раштат, 1916 р.) // Емінак. 2017а. № 1(17). С. 80–85.
- Срібняк І. Організаційна діяльність Союзу визволення України у таборах полонених царської армії в Австро-Угорщині (1914–1916 рр.) // Емінак. 2017б. № 2(14). С. 99–103.
- Тарахан-Бережа З.П. За рядками книги відвідувачів Шевченкової могили (1917–1921 рр.) // Український історичний журнал. 1998. № 2. С. 128–137.
- Федевич К.К., Федевич К.І. За Віру, Царя і Кобзаря. Малоросійські монархісти і український національний рух (1905–1917 роки). Київ: Крититка, 2017. 308 с.
- Хархун В. «Нам треба голосу Тараса...»: культ кобзаря в радянській поезії // Слово і час. 2014а. № 4. С. 3–18.
- Хархун В.П. «У вінок Кобзареві»: хронологія та типологія культу Тараса Шевченка // Реєнт О.П. (ред.). Краєзнавча Шевченкіана України. Матеріали XIII Всеукраїнської наукової історико-краєзнавчої конференції, присвяченої 200-річчю від дня народження Т.Г. Шевченка, м. Канів, 24–25 жовтня 2014 р. Черкаси: Видавництво ЧДТУ, 2014б. С. 23–30.
- Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.: Verso, 2006. 240 p.
- Corse S. Nationalism and Literature: The Politics of Culture in Canada and the United States. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 213 p.
- Hillis F. Children of Rus': Right-Bank Ukraine and the Invention of a Russian Nation. Ithaca, NY; L.: Cornell University Press, 2013. 329 p.
- Kotenko A. The Ukrainian Project in Search of National Space, 1861–1914: A Dissertation in History. Budapest, 2013. 387 p.
- Leerssen J., Rigney A. (eds.). Commemorating Writers in Nineteenth-Century Europe: Nation-Building and Centenary Fever. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2014. 301 p.

Together and Apart.

Metamorphoses of Images of Taras Shevchenko during the First World War and the Civil War

Konstantin Tarasov

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
senderkeeper@mail.ru

The article delves into the exploration of the formation of the Ukrainian nation within the backdrop of competing ideologies: imperial and socialist. The theoretical framework adopted for this study is Miroslav Hroch's concept of nation-building phases, which centers around the generational shift from a limited national intelligentsia to a broader educated class, and eventually to a mass movement. Among the myriad factors influencing the propagation of the notion of nationhood, a relatively unexamined one is selected for analysis — the utilization of literature, specifically the works and image of Taras Shevchenko, by various political and public actors. This study draws on sources such as speeches, articles, political symbols, and accounts of visitors to Shevchenko's grave. During the early 20th century in the Russian Empire, multiple attempts were made to integrate the image of the Ukrainian poet into various discourses. Firstly, he was portrayed as the progenitor of the nation, a supporter of Ukrainian emancipation. Secondly, within the realm of social discourse, Shevchenko was depicted as a political fighter against the monarchical regime. Thirdly, his works were viewed as a component of broader imperial culture. Interestingly, these interpretations could coexist even within the dialogues of political adversaries. The battle for the "appropriation" of Shevchenko's image came to the fore during the tumultuous period of the First World War and the 1917 Revolution, being transformed into integral elements of the political strife. This symbol was harnessed for political mobilization by advocates of a unified state, proponents of national autonomy, and separatists alike.

Keywords: Taras Shevchenko, nation-building, Ukrainian nation, literature, Revolution of 1917.

Acknowledgements

This article was supported by the Russian Science Foundation, project No 20-18-00369 "The Processes of Legitimation of Violence: Conflict Cultures in Russia and the Escalation of Civil War". I am grateful to A. N. Dmitriev for the idea of preparing the article, as well as Russian and foreign colleagues for

their comments on the manuscript. I would also like to express my gratitude to two anonymous reviewers for their valuable suggestions on improving the text.

References

- Anderson B., *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 2006, 240 pp.
- Artyukh V., 'Tvorennya kultu Tarasa Shevchenka na terenakh Sumshchyny v roky Ukrayinskoyi revolyutsiyi (1917–1921)' [Creation of the Cult of Taras Shevchenko on the Territory of Sumy Region during the Ukrainian Revolution (1917–1921)], *Sumska starovyna*, 2020, no. 56, pp. 38–57. (In Ukrainian).
- Bryzhytska S., 'Sprynyattya robitnykamy postati Tarasa Shevchenka u 1927–1928 rokakh' [Workers' Perception of the Figure of Taras Shevchenko in 1927–1928], *Shevchenkoznavchi studiyi*, 2013, no. 16, pp. 241–249. (In Ukrainian).
- Bryzhytska S., 'Proyav natsionalnoyi samosvidomosti vidviduvachiv Tarasovoyi hory u period Tsentralnoyi rady (1917–1918 rr.)' [The Manifestation of National Self-awareness of Visitors to Tarasova Mountain during the Period of the Central Council (1917–1918)], *Visnyk Cherkaskoho universytetu*, 2017, no. 2, pp. 100–105. (In Ukrainian).
- Corse S., *Nationalism and Literature: The Politics of Culture in Canada and the United States*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, 213 pp.
- Egorova K. B., 'Komu proletariat stavit pamyatniki: 125 let so dnya rozhdeniya T. G. Shevchenko' [To Whom the Proletariat Erects Monuments: The 125th Anniversary of Taras Shevchenko's Birthday], *Slavyanovedenie*, 2016, no. 3, pp. 51–61. (In Russian).
- Fedevych K. K., Fedevych K. I., *Za Viru, Tsarya y Kobzarya. Malorosiytski monarkhysty i ukrayinskyy natsionalnyy rukh (1905–1917 roky)* [For Faith, Tsar and Kobzar. Little Russian Monarchists and the Ukrainian National Movement (1905–1917)]. Kyiv: Krytytka, 2017, 308 pp. (In Ukrainian).
- Grom O. A., 'Natsyonalnye dvizhenyya narodov Rossii nachala XX v. glazami ukraïnskikh publitsistov (po materyalam gazety "Rada")' [National Movements of the Peoples of Russia at the Beginning of the 20th Century through the Eyes of Ukrainian Publicists (Based on Materials from the "Rada" Newspaper)], *Russkaya starina*, 2021, no. 12(1), pp. 29–38. (In Russian).
- Hillis F., *Children of Rus': Right-Bank Ukraine and the Invention of a Russian Nation*. Ithaca, NY; London: Cornell University Press, 2013, 329 pp.
- Holubko V., *Armiya Ukrayinskoyi Narodnoyi Respubliky 1917–1918. Utvorennya i borotba za derzhavu* [The Army of the Ukrainian People's Republic 1917–1918. Formation and Struggle for the State]. Lviv: Kalvariya, 1997, 275 pp. (In Ukrainian).
- Hrytsenko I., *Ukrayinskyy Derzhavnyy Flot v 1917–1919 pp.: istoriya yoho stanovlennya, viyskovo-politychnoyi borotby ta zanepadu* [The Ukrainian State Navy in 1917–1919: History of Its Formation, Military-

- political Struggle and Decline]. Kyiv: Vyd. Oleh Filyuk, 2015, 230 pp. (In Ukrainian).
- Hrytsenko O., “*Svoya mudrist*”. *Natsionalni mifolohiyi ta “hromadyanska relihiya” v Ukrayini* [“Our Own Wisdom”. National Mythologies and “Civil Religion” in Ukraine]. Kyiv: Ukrainian Center for Cultural Research Press, 1998, 184 pp. (In Ukrainian).
- Kadnichansky D., Lytvyn M., Sereda O., Stebliy F., Khakhula L., ‘Vshanutannya pamyati Tarasa Shevchenka v Halychyni’ [Commemoration of Taras Shevchenko in Galicia], *Krayeznavstvo*, 2014, no. 1, pp. 10–19. (In Ukrainian).
- Kharkhun V., “Nam treba holosu Tarasa...”: kult kobzarya v radyanskiy poeziyi’ [“We Need the Voice of Taras...”: The Cult of the kobzar in Soviet Poetry], *Slovo i chas*, 2014, no. 4, pp. 3–18. (In Ukrainian).
- Kharkhun V. P., “U vinok Kobzarevi”: khronolohiya ta typolohiya kultu Tarasa Shevchenka’ [“To Kobzar’s Wreath”: Chronology and Typology of the Cult of Taras Shevchenko], Reyent O. P. (ed.), *Krayeznavcha Shevchenkiana Ukrayiny* [Local History of Shevchenkiana in Ukraine]: Materials of the 13th All-Ukrainian scientific historical and local history conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of T. G. Shevchenko, Kaniv, October 24–25, 2014. Cherkasy: State Technological University of Cherkasy Press, 2014, pp. 23–30. (In Ukrainian).
- Kiseleva L. N., ‘Literaturnaya sostavlyayushchaya imperskogo natsionalnogo proekta’ [The Literary Component of the Imperial National Project], “*Ideolohycheskaya geohrafiya*” *Rossiyskoy imperii: prostranstvo, granitsy, obitateli* [“Ideological Geography” of the Russian Empire: Space, Boundaries, Inhabitants]. Tartu: Kirjastus, 2012, pp. 12–70. (In Russian).
- Kotenko A., The Ukrainian Project in Search of National Space, 1861–1914. A Dissertation in History. Budapest, 2013, 387 pp.
- Kovalyov I., ‘Yubiley T. H. Shevchenka pry tsaryzmi (z materialiv Tsentr. derzh. arkhivu vnutrish. kultury ta pobutu)’ [Jubilee of T. G. Shevchenko under Tsarism (from the Materials of the Central State Archive of Internal Culture and Life)], *Radyanske literaturoznavstvo*, 1939, book 4, pp. 153–176. (In Ukrainian).
- Leerssen J., Rigney A. (eds.), *Commemorating Writers in Nineteenth-Century Europe: Nation-Building and Centenary Fever*. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2014, 301 pp.
- Lozovyy V. S., ‘Poshyrennya kultu Tarasa Shevchenka yak skladova formuvannya ukrayinskoyi natsionalnoyi identychnosti v period revolyutsiyi 1917–1921 rr.’ [The Spread of the Cult of Taras Shevchenko as a Component of the Formation of the Ukrainian National Identity during the Revolution of 1917–1921], *Visnyk Kamyanets-Podilskoho natsionalnoho universytetu imeni Ivana Ohiyenka, Istorychni nauky*, 2015, no. 8, pp. 340–347. (In Ukrainian).
- Malyyuta O., *Prosvity i ukrayinska derzhavnist (druha polovyna XIX — persha polovyna XX st.)* [Enlightenment and Ukrainian Statehood (Second Half of the 19th — First Half of the 20th Century)]. Kyiv: Prosvita, 2008, 840 pp. (In Ukrainian).
- Margolis Yu. D., ‘Shevchenkovskie godovshchiny i Peterburgskiy universitet’ [Shevchenko Anniversaries and St Petersburg University], Tishkin G. A. (ed.),

- Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta* [Essays on the History of Leningrad University]. Leningrad: Leningrad State University Press, 1982, vol. 4, pp. 33–51. (In Russian).
- Margolis Yu. D., 'Yubiley T. G. Shevchenko 1914 g. (Iz istorii obshchestvenno-politicheskoy borby)' [Jubilee of T. G. Shevchenko, 1914 (From the History of Social and Political Struggle)], Mavrodin V. V., Semenov L. S. (eds.), *Voprosy istorii Rossii XIX — nachala XX veka* [Questions of the History of Russia in the 19th and early 20th Centuries]. Leningrad: Leningrad State University Press, 1983, pp. 181–189. (In Russian).
- Mashtalir A. I., 'Vplyv postati T. H. Shevchenka na pidnesennya natsionalnoyi svidomosti ukraiyntsiiv u 1917–1920 rr.' [The Influence of the Figure of T. G. Shevchenko on the Rise of National Consciousness of Ukrainians in 1917–1920], Zavalnyuk O. M. (ed.), *Osvita, nauka i kultura na Podilli* [Education, Science and Culture in Podillya]: A coll. of science works. Kamyanets-Podilskyy: Oiyum, 2011, vol. 18, pp. 324–334. (In Ukrainian).
- Mashtalir A. I., Lovovyy V. S., *Politychna instrumentalizatsiya postati ta tvorchosti Tarasa Shevchenka yak chynnyk natsionalnoho vidrodzhennya u Naddniprovskiyi Ukraini (1917–1920 rr.)* [Political Instrumentalization of the Figure and Work of Taras Shevchenko as a Factor of National Revival in Trans-Dnieper Ukraine (1917–1920)]. Ternopil: FOP Palyanytsya V. A., 2016, 296 pp. (In Ukrainian).
- Melenchuk O., 'Fenomen svyatkuvannya rokovyn, prysvyachenykh pamyati T. Shevchenka yak sotsiokulturne yavyshe v borotbi za ukraiynsku nezalezhnist u literaturno-krytychnykh studiyakh S. Yefremova' [The Phenomenon of the Celebration of Anniversaries Dedicated to the Memory of T. Shevchenko as a Socio-cultural Phenomenon in the Struggle for Ukrainian Independence in the Literary and Critical Studies of S. Yefremov], *Visnyk Cherkaskoho universytetu, series Filolohichni nauky*, 2010, no. 178, pp. 5–12. (In Ukrainian).
- Melnychenko V., 'Vshanuvannya pamyati T. H. Shevchenka na Cherkashchyni: zarodzhennya ta rozvytok tradytsiy' [Commemoration of T. G. Shevchenko in Cherkasy Region: The Origin and Development of Traditions], *Krayeznavstvo*, 2010, no. 1–2, pp. 200–205. (In Ukrainian).
- Melnyk E. M., 'Imya Tarasa Shevchenka v ukraiynskiy shkoli (1917–1920)' [The Name of Taras Shevchenko in the Ukrainian School (1917–1920)], *Etnichna istoriya narodiv Yevropy* [Ethnic History of Peoples of Europe]: A coll. of Kyiv National University. Kyiv: Uniserv, 2004, no. 17, pp. 47–51. (In Ukrainian).
- Mikhutina I. V., *Ukrainskiy vopros v Rossii (konets XIX — nachalo XX veka)* [Ukrainian Question in Russia (Late 19th — Early 20th Century)]. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS Press, 2003, 290 pp. (In Russian).
- Nadtochiy O., 'Vydannya ta tsenzura dramatychnykh tvoriv, povyazanykh z imenem Tarasa Shevchenka, u kintsy XIX — na pochatku XX st.' [Publication and Censorship of Dramatic Works Associated with the Name of Taras Shevchenko in the Late 19th and Early 20th Centuries], *Drukarstvo*, 2006, no. 4, pp. 68–72. (In Ukrainian).
- Nagornaya O. S., *Drugoy voyennyi opyt: rossiyskiye voyennoplennyye Pervoy mirovoy voyny v Germanii (1914–1922)* [Other Military Experience:

- Russian Prisoners of War of the First World War in Germany (1914–1922)]. Moscow: Novyy khronograf, 2010, 440 pp. (In Russian).
- Pater I., *Soyuz vyzvolennyya Ukrayiny: problemy derzhavnosti i sobornosti* [The Union for the Liberation of Ukraine: Problems of Statehood and Sobornost]. Lviv: S. n., 2000, 344 pp. (In Ukrainian).
- Polyanichev A., 'Ekaterina II kak kazachya mat: pamyatnik imperatritse v Ekaterinodare i zaporozhskiy mif Kubani' [Catherine II as a Cossack Mother: Monument to the Empress in Ekaterinodar and the Zaporizhzhya Myth of the Kuban], Safronova Yu. A. (ed.), *400-letie doma Romanovykh, 1613–2013. Politika pamyati i monarkhicheskaya ideya* [400th Anniversary of the Romanov House, 1613–2013. The Politics of Memory and the Monarchical Idea]. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2016, pp. 132–163. (In Russian).
- Puchenkov A. S., *Natsyonalnaya politika generala Denikina (vesna 1918 — vesna 1920 g.)* [National Policy of General Denikin (Spring 1918 — Spring 1920)]. Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga, 2016, 399 pp. (In Russian).
- Soldatenko V. F., *Grazhdanskaya voyna v Ukraine. 1917–1920 gg.* [Civil War in Ukraine. 1917–1920]. Moscow: Novyy khronograf, 2012, 635 pp. (In Russian).
- Sribnyak I., 'Novitnya "Zaporizka Sich" na chuzhyni (tvorennyya paramilitarnykh struktur v ukrayinskomu tabori Rashtat, 1916 r.)' [The New "Zaporizka Sich" in a Foreign Land (the Creation of Paramilitary Structures in the Ukrainian Rastat Camp, 1916)], *Eminak*, 2017, no. 1(17), pp. 80–85. (In Ukrainian).
- Sribnyak I., 'Orhanizatsiyna diyalnist Soyuzu vyzvolennyya Ukrayiny u taborakh polonenykh tsarskoyi armiyi v Avstro-Uhorshchyni (1914–1916 rr.)' [Organizational Activity of the Union of the Liberation of Ukraine in the Camps of Prisoners of the Tsarist Army in Austria-Hungary (1914–1916)], *Eminak*, 2017, no. 2(14), pp. 99–103. (In Ukrainian).
- Tarakhan-Bereza Z. P., 'Za ryadkamy knyhy vidviduvachiv Shevchenkovooyi mohyly (1917–1921 rr.)' [According to the Lines of the Book of Visitors to Shevchenko's Grave (1917–1921)], *Ukrayinskyy istorychnyy zhurnal*, 1998, no. 2, pp. 128–137. (In Ukrainian).
- Varavva O., *Prochany na mohyli T. H. Shevchenka (materiyaly z kn. vidviduvachiv mohyly za 1917–1921 rr.)* [Pilgrims at the Grave of T. G. Shevchenko (Materials from the Book of Visitors to the Grave for 1917–1921)]. Kharkiv: Derzhvydav Ukrayiny, 1930, 55 pp. (In Ukrainian).
- Yekelchuk S., *Ukrayinofily: Svit ukrayinskykh patriotiv druhoiy polovyny XIX stolittya* [Ukrainophiles: The World of Ukrainian Patriots of the Second Half of the 19th Century]. Kyiv: KIC, 2010, 272 pp. (In Ukrainian).